ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕЧКА

В. СТАВСКИЙ

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1937

ВЛАДИМИР СТАВСКИЙ

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Рисунки
А. РАДИЩЕВА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

ГЕРОИЧЕСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ С ПРЕДАННОСТЬЮ И ЛЮБОВЬЮ ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ.

Вл. СТАВСКИЙ

I

По коридору громыхают сапоги, на недописанный плакат падает тень.

— Опять несет кого-то! — ворчит Костя. Отводит с бумаги кисть. Краска звонко капает на чистые доски пола. — Чорт их носит! — Спохватившись, он сует кисть в горшочек, свирепо оборачивается, и по смуглому лицу его расплывается улыбка.

— Здорово, Леонид Сергеевич!

В серых глазах Кости сверкают уважение и любовь. Военком дивизии Дегтев глядит на плакат.

— «Товарищи! Кровожадные псы Антанты...» — читает он вслух.

— Начал придираться! — обрывает, вспыхнув, Костя.

— Ну, как плечо? — заботливо спрашивает Дегтев.

Костя вскакивает в стойку, сильно разводит руками, сопя, вдыхает через нос.

— Ого!

— Через неделю в часть! — улыбается Костя. — Хватит с меия подивов!

— Ну, ладио, ладио! Я к тебе по делу. Идем-ка!

Они шагают по солиечной и пыльиой стаиичной улице. Рядом с огромиым, грузным воеикомом Костя Борисов словио подросток. А ои выше и крепче своих девятиадцати лет. Худое тело его стройио и гибко. Молодые, сильные мускулы уже втянуты в работу. После городского училища три года в сортировке на писчебумажной фабрике, потом комсомол, потом по мобилизации комсомола четыре месяца иа комаидиых курсах и вот уж второй год иа фронте. Сейчас, после раиеиия в плечо, Коистантин Борисов, комаидир пулеметиой роты, живет при политическом отделе дивизии, помогает товарищам.

— Ночью опять перебежчики были с той стороны, — тихо говорит Дегтев. — С Восточиого маяка прибежали. Прожекторные зеркала, черти, приволокли!

— Здорово! — радостно вскидывается Костя, но, взглянув в озабоченное, заросшее щетиной лицо военкома, тревожно спрашивает: — Что-нибудь сообщили?

— Ничего не разберешь! Донские части ушли на Сиваш. Корниловская дивизия — под Перекоп...

Сразу за хатами станции — многосаженный глинистый обрыв. Внизу гулко грабастает о берег прибой. Далеко — по Керченскому проливу — стремительная леванта[1] гонит с юга зеленые, в гулких гребешках и оттого страшно холодные волны. За проливом в синей дымке плавает Крым. Угрюмо выпирают громады мысов на концах пролива. Меж ними, в волнистых складках гор, у самой воды лежат розово-белые пятна Керчи, селений. Видны дымные трубы Брянского металлургического завода.

— Говорят, пальмы там так растут! — мечтательно вздохнув, говорит Костя.

Дегтев, быстро взглянув на него, говорит:

— Пальмы? Нам белые могут баню задать. Ты же сам провожал наш конный корпус на польский фронт. Сколько нас тут.

— А чего же разведка спит? — возмущенно замечает Костя.

---

[1] Леванта — ветер.

«Как огонь, быстрый!» думает Дегтев, ласково обнимая Костю.

— Я то же думаю. Ну, пошли в штаб.

Около штаба, поместившегося в школе, лениво балагурят в душной синеватой тени коноводы, ординарцы. Ветер сбивает в метлы густую и мягкую листву акаций, пожелтевшую от жары. В открытые окна слышны мягко-гнусавые гудки полевых телефонов, выкрики связистов, вызывающих полки.

— Никого не пускай, — говорит Дегтев вытянувшемуся белобрысому секретарю и пропускает Костю впереди себя. — Иди-ка, смотри.

На карте Крыма и кубанского побережья, висящей на стене, покрытый коричневыми пятнами гор полуостров высится в плотной, волнующей синеве морей, цепляясь за материк узкой полоской Перекопа да Чонгарским мостом на желтом песке Арабатской стрелы.

С кубанской стороны в Керченский пролив далеко выдаются две косы: Чушка — близ Азовского моря и Тузла — немного южнее Таманской станицы.

— Смотри, какой у нас берег! — Дегтев тычет огромным жестким пальцем в извилистые узоры приазовского побережья: — Тут сотни верст кругом камыши да лиманы. Прозеваешь — да-ле-ко в тыл заскочат.

— Не надо зевать! — строго отзывается Костя.

Дегтев нетерпеливо щелкает пальцами, смотрит в окно. Вдруг сурово и вместе с тем ласково говорит:

— Я, Костя, решил тебя послать в Крым на разведку.

— Меня! — восклицает Костя. — Меня? В Крым?.. Ну, уж нет! Брось шутить, Леонид Сергеевич!

— Не шучу, Костя! Надо итти!

— Да я же не умею! Не знаю я!

— Кое-что расскажу. А больше самому соображать придется.

— Я не...

— Да ты подумай! — обрывает Дегтев и склоняется над бумагами.

В комнате тихо. Ноет, стучится в окно большая синяя муха, из-за стены слышится невнятный разговор.

— А как туда попадешь-то? — спрашивает Костя.

— На лодке ночью переправим.

Снова падает тишина и жужжит муха. И сердце Кости отчаянно колотится.

«Может быть, и надо итти! Да ведь жутко-то как!» думает Костя, глядя в окно на синие очертания крымского берега. Вспоминает: в восемнадцатом году тихим вечером

идет заседание комитета комсомола. В большой комнате пересыльного пункта при станции сумрачно, еле видны лица. Докладчик рассказывает о текущем моменте, о том, что со дня на день вспыхнет революция на Западе... Перед заседанием докладчик говорил Косте, смеясь: «Если нападут, до Москвы отступим, запремся там, а своего добьемся». И в голосе докладчика такая страсть и волнение, что Костя весь горит.

— Если бы можно было дивизию оставить, я бы сам отправился! — тихо говорит военком.

— Ну уж нет! — перебивает Костя. — Отправлюсь я!

— Ни на миг в этом не сомневался!

Костя порывисто шагает к нему.

Дегтев роется в куче потрепанных, старых документов на столе.

— Лучше не может быть! — говорит он, подавая Косте рваный листок. — Тут отметки этапных комендантов, и уволен был этот перебежчик вчистую от военной службы. Так?

— Хорошо!

— Самое главное, по-моему, — перебраться на ту сторону да отойти подальше. По берегу, конечно, сильная охрана. А дальше ты по всему Крыму гуляй... Садись за карту, выучи ее.

Он вынимает из планшетки, раскладывает шуршащую, ломкую карту на столе, тычет карандашом.

— Тут, тут, тут стоят кубанские дивизии. Ты идешь вот тут, по маршруту...

Костя всматривается в тонкие черточки дорог, коричневые точки хуторов и селений. Повторяет непривычные татарские названия. От напряжения ломит в глазах. Карта сливается в синее пятно.

— Кто будет переправлять? — спрашивает Костя. — Я ведь моря совсем не знаю. Первый раз...

— Так и наша революция первый раз!

2

— Как стемнеет, тебя и отвезут. Ребята надежные! А мне уже надо трогать.

Костя молча сжимает протянутую ручищу. Дегтев порывисто обнимает его и быстро, не оборачиваясь, уходит за хату. Слышится резкий окрик, фыркают кони, глухо бьют копыта.

Костя с щемящей сердце тоской вслушивается в замирающий топот. Потом идет через рыбацкий поселок, ныряя под растопыренные на кольях и веслах тяжелые мокрые сети.

Под невысоким обрывчиком шорохтят мутные желтые волны Азовского моря. Мет-

рах в ста от берега чернеют, болтаясь, бочковатые поплавки высыпанных рыбацких снастей. На отмелях начинающейся от хутора косы Чушки вывертываются, играючи, черные тупорылые дельфины. Пылающий и словно звенящий диск солнца, тускнея, снижается в сизо-молочную слитную мглу неба и моря. Костя подсаживается к дружному ряду красноармейцев на обрывчике, вслушивается. Верхняя губа его, крупная, изогнутая, как татарский лук, смешно вздергивается кверху.

На плечи его наброшен порыжелый английский френч с хвостатыми львами на крупных пуговицах. Под френчем — гимнастерка с дырочками и петлями на плечах от погонов.

Красноармейцы оглядываются и продолжают разговор.

— Вечерять, хлопцы! — зовет выскочивший из хаты озабоченный старшина роты.

Бойцы шумно встают, отряхивают песок и глину с рваных, заношенных штанов и гимнастерок. Косте очень жаль, что так скоро оборвалась беседа, что приближаются страшные минуты.

Следом за бойцами он входит в хату. В печке, треща и ежась, горят пучки золотистой соломы. Жарко. Пахнет дымом, соленой рыбой.

— Я вас ищу. Идем скорей! — Командир

роты берет Костю за рукав. Сердце Кости туго сжимается.

На берегу уже темно. Ветра нет. Гулко бьется море. Костя со спутником молча спускаются к чернеющим на воде лодкам.

— Валяйте! — шепчет Косте командир. — До луны часа два. Поспеете.

Костя шагает через борт в качающуюся лодку. Молчаливые гребцы разом отпихиваются от берега, тоненько скрипят весла. Держась за борта, Костя смотрит на берег, исчезающий в сизой, смутной мгле.

Чем дальше от берега, тем длиннее и выше становится гладкая зыбь, мертво и маслянно поблескивает вода, круче вздымается лодка. Под носом лодки журчит струя, с неосторожного весла падают дробно капли, набравшаяся в лодку вода плещется под настилом на дне.

Гребцы часто оглядываются на кубанскую сторону.

— Что там такое? — недоумевающе спрашивает Костя.

— Скоро луна взойдет! — падает хриплый шопот.

«От берега отошли далеко. Белые заметят лодку, выскочит катер!»

Костя жмурится, стараясь преодолеть страх, сжимает зубы.

Так же стискивал он зубы, когда его ранило: внезапно замолчал из-за перекоса ленты его пулемет, ударило в плечо, лишь только он приподнялся над щитом, потом — все усиливающаяся боль, мокро в рукаве...

Он лежал на спине, вверху было густое — хоть ножом режь — небо; повернувшись, он увидел крупные, в целую вишню, алые капли крови, часто-часто капающие из дырки в френче на землю, и над скворчащим кожухом пулемета бьющий из отверстия легкий парок. Но рядом была своя братва. Его помощник, рискуя, кинулся перевязывать индивидуальным пакетом.

«В бою легче!» думает Костя, вслушиваясь в грозный гул, идущий из мрака.

Над водой стелется легкий туман. Сквозь пелену все явственнее проступают высокие мрачные очертания гор.

Вдруг почти рядом с лодкой шумно всплескивает вода. Вцепившись в руку гребца, Костя ясно слышит хрюкающий вздох. По волне фосфорически мерцает лиловая струя, уходя в глубину.

— Что это? Что это? — шепчет Костя.

— Чушка! Дельфин! — сдержанно хихикнув, отвечает тот.

— Тут их много! Свадьбы ихние скоро! — говорит другой. — И коса ихняя — Чушка!

Близко гремит прибой. Громады гор мрачно нависают над морем. Волны швыряют лодку. Сердце Кости бьется так сильно, так сильно! Оно стучит и в пальцах, замерших на борту.

«Что, если едем прямо на заставу?»

— Приготовьсь! — толкает Костю гребец.

Лодка ребром поворачивается на вспененном гребне.

— Крой!

Костя прыгает в воду, его окачивает по пояс.

Взмахивая руками, выбегает он на берег, бросается по балочке в гору.

Оглянувшись, он видит, как мелькнула и пропала во мгле лодка. Вновь бросается вперед, спотыкаясь, хватаясь за камни и траву окровавленными пальцами.

Подъем все круче. Костя со свистом глотает воздух и карабкается, лезет, лезет.

Начинается пологое пространство. Густая росистая трава мешает итти. Влево, на дальней горе, крутится огонь маяка, отбрасывая желтые полосы света.

«Тут кругом дозоры!» думает Костя, отдохнув и шагая дальше по пашне. Ноги тяжело вязнут в жирной земле, по лицу струится пот. Отлогим откосом Костя взбирается на вершину горы. Далеко влево переливается

щедрая россыпь городских огней. Над мутным кубанским берегом выкатывается огромная кровавая луна, и по воде лимана, за косой Чушкой, сыплется багровая зыбь.

Костя спускается по мокрой, росистой траве, выходит на середину шоссе. Из-за поворота слышен топот. Костя прыгает в сторону, падает за груду камней.

Все ближе брянцают удила с мундштуками, шашки. Видны силуэты всадников.

— Участников ледяных походов спрашивали, — слышит Костя глухой равнодушный голос.

— А зачем? — с опаской спрашивает жидкий тенорок.

— Значит, надо! Дело какое будет!

Костя напряженно вслушивается в удаляющийся топот, бренчанье, стихающий говор.

«Это и разведка началась? — вдруг удивляется он, улыбается и, устыдившись, хмурится. — Надо выяснить, куда собирают этих участников...»

Становится светлее. Всходит луна. Долины наливаются трепетным белесым светом. Костя пробирается по склонам в тени. Неясно видны белые стены мазанок, громко брешут собаки.

«Аул Аджимушкай, наверное!» соображает

Мелькнула и пропала во мгле лодка.

Костя. Обходит его подальше, спускаясь в глубокне, сырые и прохладные балки и вновь поднимаясь по росистым, скользким склонам. Давно уже не видно моря, ближе и ближе сверкают городские огни. Белая луна катится по необъятному серебряно-голубому небосводу.

Еле волоча ноги, Костя взбирается на курганчнк и плюхается на камень.

«Надо же отдохнуть!» решает он. Ложится, свертывается комочком. Засыпая, с удивлением раздумывает, что в сущности не так все уж страшно. Ругает себя за нспуг в лодке.

Много раз он просыпается от холода. Уже светает, когда его будит назойлнвое стрекотание. Прямо над ним, в бледной синеве неба, парнт ястребок. Костя вндит его согнутую вбок голову, желтые крупные глаза, слышнт тугое посвистывание трепещущих крыльев.

«Вот еще новости!» Он вскакивает, ястребка стремительно уносит в сторону.

На востоке, за стальной синевой пролнва, показывается солнце. Рядом вспыхивают розовые вершины гор и белые косяки парусов на проливе. В бухте, стиснутой сверкающими домами и зеленью деревьев, грозно дымится серый огромный крейсер.

«В город итти сразу нельзя!» вздыхает Ко-

стя, глядя на цепь убегающих на запад холмов.

Пускается рубежом, потом дорогой, зевая и ежась от утреннего холода. В солнечной долине буйно гонит колос пшеница, шуршат острые листья кукурузы, вслед за солнцем поворачиваются золотистые головки подсолнуха. Вспархивают жаворонки, спиралью идут в голубую высь, и трели их неумолчным звоном рассыпаются над степью.

«Придется подальше забраться, — обратно пойду, везде побываю, все разведаю!» раздумывает Костя. Оборачивается на глухой стук позади. Вздымая клубы синеющей пыли, его нагоняет бричка.

Костя несмело сворачивает с дороги, чтобы уйти от встречи. Куда же уйти? Ведь на десятки верст его видно, солнце заливает все нестерпимо ярким сиянием.

«Мало же я сделал!» думает он. Останавливается, повернувшись к грохочущей подводе.

Пожилой чернобородый крестьянин пристально оглядывает его. Костя машет рукой.

— Тппру!

Сытые гнедые лошади, всхрапывая, послушно останавливаются.

— Дяденька, нет ли огонька?

— На! — тот протягивает коробок.

Костя вздрагивающими пальцами крутит папироску из рыжего волокнистого табака — греческой контрабанды.

— Куда идешь? — спрашивает чериобородый.

— В Феодосию.

— Чего же не по чугуике? — подозрительио изумляется тот.

— Деиег нет!

— А ты не с Бряиского завода? — щурится бородач.

Костя безотчетио, сам ие зиая почему, отвечает:

— Да.

— Он же стоит! — торжествующе бросает тот.

— Я ходил туда работы просить, — без запиики отвечает Костя, чувствуя, как стремительио схлыиула с лица кровь.

— Садись, отвезу! — бородач подвигается к передку.

«Отвезти да выдать хочет... Но отказаться сейчас уже иельзя!..»

Костя садится в бричку, подсовывает под сидеиье сено. И тут только чувствует, как устало тело, иоют ноги.

— Позавчера опять камеиоломни взрывали, все партизаи красиых выбивают! — ие оборачиваясь, говорит бородач.

— Слыхал! — отважно врет Костя, разглядывая коричневую, как кирпич, складчатую шею бородача.

— Только не выбить их. Крепко засели!..

Косте слышится в его голосе сочувствие партизанам, так и вздымает желание поговорить начистоту, как там, за проливом, говорит он в станицах с казаками.

«А кто его знает, что у него на уме? — думает Костя. — Пусть даже сочувствует он, лучше смолчать. У меня свое дело».

— Скоро ли это кончится? — обернувшись, кричит бородач. — У меня казаки всю пшеницу стравили. Чем будем жить? Н-но! Родные! — он мягко шевелит вожжами.

Крепкие кони, играя, толкают друг друга в плечо, подхватывают сильной рысью бричку.

— Давно потравили? — спрашивает Костя, придвигаясь к бородачу.

— Неделю назад. Целая армия прошла! — безнадежно отвечает тот. — Еле успел коней спрятать!

«Там участники ледяных походов, тут казаки!» отмечает Костя.

На перекрестке бородач, не трогая вожжей, голосом останавливает лошадей.

— Мне направо.

— Спасибо, дядя! — от сердца, растроганно благодарит Костя.

— Не на чем!

Бричка трогается. Бородач, схватившись за вожжи, кричит:

— По экономиям коменданты скрозь стоят! Смотри! А на Маме дроздовцы, батарея...

— Спасибо!

— А там у меня сын! — тычет пальцем бородач не то в сторону каменоломни, не то на Кубань.

За бричкой клубится сивая пыль.

«Нет, уж нет! Ну его совсем с этим Брянским заводом! Так-то вот и влетишь! — облегченно вздыхает Костя. — Он меня, видно, за дезертира принял... А ведь это здорово. В случае чего, я могу себя за дезика выдать, а?»

Костя вдруг с сильнейшим любопытством думает, кто же был на самом деле перебежчик Илья Любимов, с документом которого он путешествует.

Он садится в ложбине, вынимает из кармана смятый, пожелтевший воинский билет.

Билет с обеих сторон замазан фиолетовыми отметками этапных комендантов.

«Это хорошо! — отмечает Костя. — И я буду так же много шататься — родичей, что

ли, искать!.. А чего шатался Любимов, казак станицы Казанской Верхнедонского округа? Ему только двадцать три года — 1897 года рождения, а он уже уволен был по 60-й статье — порок сердца. Значит, парень успел хлебнуть горя, раз казачье сердце не выдержало...»

Костя представляет себе русого чубатого казака с мутными дряблыми мешками под усталыми серыми глазами, с вялыми губами, тронутыми мертвенной синевой, оборванного, обовшивевшего.

Костя всматривается в отметки на билете — Любимов настойчиво пробирался из Балаклавы на восток, к проливу, на Кубань.

Он неделями сидел и в Симферополе, и в Феодосии, и в каких-то камышах, но пробрался.

«Большая заноза заскочила, видно!» улыбается Костя, как-то разом и целиком понимая казака Любимова, возненавидевшего начальников своих, осторожно, чтобы самому не пропасть, проклинавшего их на этапах и на вокзалах — всюду, где были казаки, солдаты...

«А я-то ведь знаю, чего хочу! — с чувством радостного превосходства думает Костя. — Я не перебежчик, а комсомолец! И я сейчас тут — один за всех!»

3

Яростно чадит душный день. Холмы и долины приподымаются и плывут над сииими струями испарений. Солице словио застыло в зеиите. Редкие вздохи ветра пышут зиоем, обжигая Костиио лицо.

По степиым, заросшим лебедой да полынью рубежам, по хрящистым и твердым, ослепительио сверкающим дорогам шагает Костя. Ои уже смелее заговаривает с встречными, сворачивает с дороги к работающим в степи хлеборобам.

Жалуется, что иет работы, что никак ие иайдет потерянных во время эвакуации из Новороссийска родичей. Хлеборобы участливо расспрашивают его, кормят салом, рассыпчатым хлебом. И всегда у всех одии знакомый вопрос: «Ничего ие слыхать такого? Скоро коичится?..»

Бородач ие соврал: в каждом хуторке комеидаиты, об этом говорят и хлеборобы. Костя далеко обходит жилье.

Обогнув немецкую колоиию, Костя выходит на дорогу. Тут его догоияет тачаика. Поручик в новеиьком муидире с блестящими золотыми погоиами кладет руку на плечо кучеру, молодая жеищииа хватает его за руку, с испугом взглянув на Костю. Офицер машет

рукой, кучер нахлестывает гнедых жеребцов. Костя переводит дух, глядя на часто оборачивающегося белогвардейца.

Напившись мутной воды в заросшем камышом и осокой ставочке [1], Костя с интересом глядит на режущих воздух и поверхность воды незнакомых, невиданных птиц, похожих на ласточек, но вдвое больше и с ярким, отблескивающим вороненой сталью оперением.

Попадаются и иные птицы, тоже невиданные, сверкающие голубыми крыльями. Птицы бесстрашно садятся на дороге, отлетая прямо из-под ног Кости в золотоголовые рослые подсолнухи, полчищами рассыпавшиеся по могучим склонам холмов.

Поднявшись на вершину бугра, Костя попадает прямо в хутор. Обойти уже нельзя. Он идет в крайнюю хату, просит напиться. Пока сонная хозяйка гремит в сенцах ведром, щелкает калитка. Костя уже знает: комендант...

Входит, держась за ремень казацкой, с клювастым эфесом и ременным темляком шашки, подпрапорщик.

Широко расставив ноги, он рассматривает Костю, строго спрашивает:

— Откуда? Кто ты?

— Казак Илья Любимов, господин подхо-

---

[1] Став — пруд.

рунжий! — вытягивается Костя. Заметив мелькнувшую самодовольную усмешку у того, еще громче докладывает: — Уволен по чистой, господин подхорунжий.

— Документы есть?

— Так точно, господин подхорунжий.

Костя поспешно подает потертый увольнительный листок.

— Иду до Феодосии. Родичей ищу! — старательно выговаривает Костя.

— Можешь итти!

Костя медленно идет по хуторку, а ноги от радости — как струны. В тугом, подобранном теле кипит, переливается такая сила, что встречная девчина, не отрываясь, смотрит на него, часто оглядывается и долго-долго вспоминает его светлые серые глаза, молодые плечи и крепкую, в ниточку, походку.

Переночевав опять на бугре в камнях, Костя уходит все дальше и дальше на запад, ориентируясь по солнцу.

Солнце, чуть поднявшись над горизонтом, уже палит, будто утра с его прохладой и не было совсем.

Одежда Кости мокра от пота, по лицу стекают едкие ручьи. Лопаются и болят сухие от жажды губы. Больно горит лицо. Глубже пошли балки, дышащие жаркой горечью полыни. Круче стали кряжистые, осыпающиеся склоны — прямо мука карабкаться да падать!

— Уволен по чистой, господин подхорунжий.

И на вершинах холмов и в балках чаще попадаются огромные груды серых камней.

«Наверное, развалины аулов крымских татар», думает Костя, а воображение уже развертывает становища, гулкий топот табунов, костры кочевников.

Костя идет, осторожно выглядывая за перевал. В этой местности должны стоять части противника.

К вечеру он выходит к глубокой долине, ровной и покатой, как гигантская чаша. Внизу пламенеет ставок, поблескивает белая сыпь солончаков. В тихом и теплом воздухе слышится перекатное блеяние овец. Огромная отара грязно-серым потоком стремится к ставку.

Костя сбегает к воде, облизывая спекшиеся губы. Навстречу с воем бросаются мохнатые злобные псы. Костя останавливается, ища палки или камней. Шагнув из тени низкорослой вербы, строго кричит старик. Псы, оглядываясь и рыча, неохотно возвращаются, ложатся около старика, шумно дышат, высунув алые языки. Костя несмело подходит. Чабан[1] стоит, опершись руками на гирлыгу[2], словно изваяние. С коричневого его лица мягко синеют глаза.

— Добрый вечер, отец!

---

[1] Чабан — пастух.

[2] Гирлыга — длинная палка с крючком на конце.

— Христос с тобой, сын! — добродушно отзывается чабан.

— Нет ли куска хлеба, отец? — просит Костя и замечает мелькнувшее в чистых глазах старика сочувствие.

Чабан идет, мягко ступая постолами[1] по траве и засохшей глине. Костя с любопытством разглядывает его вышитую белую рубаху под ветхим пиджаком.

— Не русский, отец?

— Нет, я молдаванин.

— Молдаванин?

— Да. Идем до ставочка! Будем вечерять!

Они подходят и рассаживаются на серых плитах плотины. Чабан бережно разрезает на кусочки сало, хлеб. Костя жадно следит за его руками, глотая голодную слюну, рассказывает привычное уже: нет работы, потерял родичей.

— Кушай!

И Костя ест, сдерживаясь, беря куски лишь после старика. Потом пьет прямо из ставка мутную, в мошках и в лягушечьем шелку воду, от которой ни свежести, ни прохлады.

— Как лучше пройти в Феодосию, отец?

— Дорога вот, за горой, через Качаны, — говорит чабан и, помолчав, продолжает: —

[1] Постолы — местная мягкая кожаная обувь.

А итти лучше балками к морю, а там по берегу. В Качанах войска видимо-невидимо. Казаки.

«Начинается!..» думает Костя.

— Ну, спасибо, отец! Далеко до Феодосии?

— Верст сорок.

— Спасибо, спасибо, отец!

Опасливо косясь на рычащих собак, Костя уходит от ставка, оглядывается с подъема. Опершись на гирлыгу, камнем стоит чабан, блеют овцы, лиловый и прозрачный сумрак легко ложится на долину.

Селение Качаны раскидано на просторном отлогом склоне. От простора, от пылающего увяданья зари на Костю веет жутью.

«Может, действительно, балками обойти? — мелькает у него мысль. — Нет! Надо итти!»

Он заставляет себя итти и чувствует, что именно заставляет, хотя и страшно и все существо его хочет избежать новой опасности.

Облако пыли встает за селением.

«Наверное, стадо!» думает Костя. Но пыль, клубясь, выходит за селение, стелется над дорогой.

«Уходят! Войска».

Он взбегает на кремнистую каменную горушку. Качаны в километре расстояния лежат, словно на ладони. По широкой улице чернеет, стоя в строю, конница. Подразделе-

ния заходят справа, вытягиваясь в колонну. Голова колонны вздымает красноватую пыль уже далеко за селением.

Настороженное ухо Кости ловит звуки марша.

«Уходят! Уходят! — твердит Костя, крупно шагая. — Но почему к ночи? Хотя понятно — чтобы скрыть движение!»

Падают быстрые южные сумерки, когда он торопливо, запыхавшись, входит в селение.

С другого конца шоссе слышится дробный гул колес.

«Это артиллерия, — волнуется Костя. — Куда же они пошли?»

Гул не умолкает.

«Обозы пошли. Но куда же это? Если бы десант на Кубань, то в другую сторону надо! Тогда на Перекоп. Значит — наступление!.. — тревожно раздумывает он. — Но тогда мне надо итти под Джанкой! Посмотрю, какие еще части пошли!»

Качаны словно вымерли. Ворота все закрыты. Ни в одной хате не светится огонька. За заборами яростно рычат, мечутся, провожая Костю, псы.

«Старосту разыщу. Лучше всего! — Костя всматривается в белеющие стены хат, вслушивается в удаляющийся топот, ругает себя: — Чего же я стою?»

Пробирается тихонько вдоль заборов. Поравнялся с широко открытыми воротами. В большом чернеющем в глубине двора доме светится окно. Из окна струится низкое, перемежающееся, словно гигантского шмеля, гудение. Слышится тонкий, высокий девичий голосок, трогающий сердце Кости. Он долго прислушивается. Гудение не умолкает, не умолкает печальный голосок. Рычит пес.

— Кто ты такой? — окликает сильный женский голос.

— Господина старосту мне, — вежливо отзывается Костя.

И гудение и песня обрываются.

— Чего вам, старосту? — опасливо спрашивает с крыльца высокая женщина в белой кофте. Костя чувствует, какая она плечистая и крепкая.

В освещенное окно высовывается испуганная вихрастая девочка-подросток.

— Что бросила? — злобно кричит женщина. — Перебивай!

Девочка исчезает. Снова гудит сепаратор.

«Должно быть, старостиха», решает Костя и, стараясь говорить жалобно, обращается к ней:

— Я казак, беженец, мне бы переночевать.

— Старосты нет. Обожди тут.

— Собаки не тронут? — еще жалобнее тянет Костя.

— Ну, иди в хату! — смягчившись, говорит она. Спохватывается: — Может, у тебя оружие есть? Я тебя обыщу!

Быстро обыскивает подошедшего к ней Костю, потом идет впереди в дом.

— Садись тут!

Он послушно садится на скамью у окна. Девочка, раскрыв рот, пугливо смотрит на Костю.

Пышная старостиха коршуном налетает на нее:

— Опять рот раззявила!

Костя вспыхивает в негодовании и отвертывается. «Сейчас ей ничем нельзя помочь, этой девочке-заморышу, видно, батрачке. — Волна теплого сочувствия обдает его: — Подожди, сестричка! Дойдет черед и до твоих хозяев!»

Входит толстый, высокий староста с вислыми сивыми усами. Злыми глазами смотрит на Костю.

— Чего еще?

— Казак-беженец. Переночевать.

— Одних, славу богу, проводили. Новые лезут! — ворчит староста. — Ляжешь тут! Переночуешь! — он с досадой тычет в угол на голый пол.

— Вот и хорошо! Спасибо! — Костя шагает, оборачивается из угла: — А документы мои возьмите до утра.

Старостиха берет, прячет бумагу Кости за грязную, закопченную божницу.

Костя садится на пол.

— Ушли войска, господин староста? — спрашивает он, настороржась.

— Вся дивизия ушла! — хмуро отвечает тот. — Один лазарет остался в экономии. Наш комендант на ночь туда ушел.

— Он у вас стоит?

— Да.

«Утром до коменданта надо убраться», думает Костя.

— Как же мне теперь догнать часть? — забеспокоясь, тужит он.

— Шут его знает! На Владиславку будто отошли!

«Значит, на Перекоп, значит, на Джанкой итти!» думает Костя.

— Мабудь, на Семиколодезной остановятся! — рассказывает староста. — Там богато войска. И кавалерия и пехота. На Ахманае не тилькы в ауле, а и на старых позициях скрозь в землянках пехота.

Костя кивает головой: «Да, да. Это надо запомнить. Ахманай. Семиколодезная!» Непреодолимый сон вяжет мысли.

Костя, кряхтя, разувается, протягивает усталые ноги, а голова его уже спит.

На рассвете его будят голоса. Страшно хочется уснуть еще, тело ломит. Но ведь надо итти!

Костя вскакивает, словно от встрепки.

— Проснулся? — оборачивается пышнотелая старостиха.

Костя молча подает старостихе две десятки, берет документ.

— Гапка, проводи дядю!—залебезив, кричит старостиха.

Девочка, забежав, открывает калитку. У Кости вздрагивает сердце при виде ее бледного, синеватого личика.

— Подожди, родная! Мы скоро придем сюда! — Костя сует девочке царскую десятку и уходит.

4

Костя идет по направлению к Джанкою. Смело заходит в хутора и татарские аулы.

На юго-западе синеют высокие горы. В аулах на Костю бегло поглядывают из-под длинных цветных платков миндалеглазые смуглые татарки. Пугливые быстроногие татарчата с криками провожают его до края аула.

Все чаще покусывает сердце Кости острый

холодок тревоги. Частей белых нет. Но еще не высохли кучи навоза, не посерели выбитые конями ямы у коновязей. Напористый суховей еще не развеял огромных золищ костров. Вторая кубанская дивизия только что снялась. Улички аулов, проселки истыканы, словно после оспы, острыми шипами подков.

«И кони перекованы», отмечает Костя. Всматривается в глубокие порезы от орудийных колес.

Неистово печет солнце. Сильное и гибкое тело Кости до самых глаз налито усталостью. Глубоко запали облупившиеся, пегие от загара щеки. Подмышками на защитной гимнастерке белеют жесткие, соленые следы пота. Заманчивые и радостные в первые дни синие дали, внезапно развертывающиеся за буграми аулы и хутора кажутся ему сейчас враждебными. В ушах неистово звенят песни жаворонков, стрекотанье кузнечиков.

За холмом сверкает белокаменное шоссе. Он невольно ускоряет шаги. Проселок, вильнув меж холмов, сливается с шоссе. Костя ошеломленно застывает: следы коней и орудий сворачивают с проселка, но не на север, к Джанкою, а на юг.

«Почему на юг? Куда?»

На карте там железнодорожный узел, от-

туда ветки и на Симферополь, и иа Керчь, и иа Феодосию.

«Если бы не сворачивал с маршрута, я бы уже там был! Чортова скотинушка! Ну, уж нет! Все равно догоню. Только надо отдохиуть...»

Костя выходит на шоссе, опускается иа землю, медлеиио, с трудом стягивает сапоги. В иос бьет тошнотная прелая воиь. Костя огорчеиио качает головой, тихоиько вытирает коицом портянки иоющие, влажные, сииевато-белые ноги, мутные водянки мозолей иа пальцах и пятках.

Расстилает портяики, ложится иа спииу, согиув в колеиях иоги, шевелит больиыми пальцами.

Перед усталыми, смежающимися глазами летит, взрываясь и курясь, бездоиная сииева.

«Сейчас бы искупаться!» вздыхает он, отдирая от груди прилипшую гимиастерку.

Синева чернеет; это уже земля, рябая от подковиых шипов, порезов колес. В детстве так после рыбной ловли долго мерещились Косте ныряющие в тихой вечериеи воде поплавки.

Тяжелое забытье охватывает его.

«Надо итти! Надо итти!» твердит он и никак ие может встать.

Еле отрывает, иакоиец, свинцовую, тяже-

лую голову от земли, обувается. Высохшие грубые портянки давят на мозоли.

Костя идет, подворачивая носки внутрь, — так меньше болит.

Ветер обвевает зноем, горьковато-медовым духом чаборца. Сбоку дороги волнуется усатый ячмень.

От резкого, неумолимого сияния болят, щурятся глаза.

Все тело словно разбитое, каждый бугор тянет отдохнуть.

— Ну, уж нет, — ворчит Костя, — а то опять в пустой след попадешь!

Тень его передвигается вбок, все больше синея и удлиняясь, и он шагает и шагает, смахивая пот, отбиваясь от появившихся откуда-то надоедливых слепней.

К узловой станции он подходит к вечеру. Долго смотрит с последнего бугра на дымную гулкую долину. Свистят маневровые паровозы. Струйки пара пышными белыми султанами возникают над чугунно-черными трубами. Доносятся скрежетание, звон и лязг сцеплений и буферов. Пути забиты платформами и теплушками. Около огромного черного полукружья деповского корпуса сереет бронепоезд.

На привокзальной площади, на улицах убогого и голого — без деревьев — поселка

кипит серо-зеленая толпа, но вокзальный перрон пусто сереет, взад и вперед ходят одинокие часовые.

«Это еще что такое?» волнуется Костя.

Из-за домишек поселка выскакивает и пылит по дороге крупной рысью конная группа. Казаки, чуть подавшись вперед, стоят на стременах, словно наглухо прибитые гвоздями. Черные кубанки плавно плывут по вечерней синеве. На всадниках вспыхивают синие стволы винтовок, блестит оправа шашек.

«Дивизию догоняют!» Костя следит за вырвавшимся на полтора корпуса вперед офицером на гнедо-чалом сухоногом жеребце. На перекрестке тот берет повод вправо и сам ловко и сильно склоняется вправо, не останавливая коня и помогая ему повернуть.

«Зачем же им на Феодосию?» все больше волнуется Костя. Идет к поселку.

Самое страшное — вот это огромное пространство, и весь путь, все — пустяки по сравнению с этим полкилометром по пыльной дороге.

Костя глубоко вздыхает, войдя на шумную улицу.

Злобные, напуганные люди шатаются, толкаясь, по дороге. Сидят и лежат около хат и заборов. Тут же свалены в кучи защитные

вещевые мешки, цветные курджины горцев, чемоданы и баулы.

Сидит, прислонившись к крылечку, седая старуха, трясущейся сухой рукой держит перед стеклянеющими, тусклыми глазами лорнет в черепаховой оправе.

Около нее хлопочет, поправляя заграничный клетчатый плед, молодая красивая женщина в поношенном шелковом платье. Костя пробирается к площади. Вдоль вокзального крыльца, осаживая толпу, ходят часовые.

— Скоро, что ли, пустят туда? — не обращаясь ни к кому, говорит Костя, догадавшись, что весь этот толпящийся народ выгнан из вокзала.

— Безобразие! Два эшелона всего прошло, а пассажиров целый день мучают, — склоняясь к Косте, отзывается мужчина в военном, с крупными барскими чертами лица, томными, полуприкрытыми веками глазами, мягким слабовольным ртом и округлым подбородком.

— Не купите ли несессер? — стыдясь, говорит он, протягивая желтый кожаный ящичек.

— Спасибо, не могу! — разводит руками Костя.

Увидев на краю площади прядающих

ушами лошадей под казацкими, высокими седлами, он поспешно добирается до них. Прислонившись к седлу, смуглый, с черными вьющимися усами кубанец в выгоревшем зеленоватом бешмете недовольно смотрит на пожилого кряжистого товарища. Тот, пришоптывая, пересчитывает пачку кредиток.

— Правильно! Правильно! — торопит его свирепый поручик с полным бантом георгиевских крестов и медалей; он крепко держит в руках покупку — узел, откуда выглядывает голубое шелковистое сукно.

Костя, быстро подойдя к молодому казаку, спрашивает шопотом:

— Где теперь дивизию искать? — Видя, как тот с недоумением глядит на его плечи без погонов, Костя продолжает: — С бабой замотался, отстал... Увольнительной нет... Из штаба я.

— А мы ординарцы! — важно отвечает казак. — В городе грузиться будем на пароход. Придется тебе пешком топать.

Развернув кисет, он отрывает полоску от сложенного тонкого листа, насыпает желтой крупчатой махорки. Костя замечает печатные буквы, порывисто вытаскивает свою коробку с рыжим контрабандным табаком.

— Угости махорочкой, а я тебя табачком! — заискивающе говорит Костя.

Они меняются табаками. Вздрагивающими пальцами Костя разворачивает листок.

«Приказ № 4...» бросаются в глаза крупные буквы.

«ФЕОДОСИЯ, 20 ИЮЛЯ 1920 ГОДА. ОФИЦЕРЫ, КАЗАКИ, СОЛДАТЫ, ВАМ ПОРУЧЕНО ВЕЛИКОЕ ДЕЛО ОСВОБОЖДЕНИЯ КУБАНИ ОТ КОММУНИСТОВ!»

Одно краткое слово ярчайшей вспышкой ослепляет Костю:

«Десант!»

— Хороший табачок! — бросает казак, затягиваясь и изо всего рта выпуская дым.

Вырвав из листа конец приказа и скручивая цыгарку, Костя успевает прочитать:

«Генерал-адъютант Улагай».

— Поехали! — весело бросает пожилой казак, пряча во внутренний карман шаровар деньги.

Словно весла воду, режут всадники толпу.

«Десант! Обе кубанские дивизии пошли. Погрузка, значит, ночью будет! — думает Костя. — Как же я успею сообщить?»

Он обходит вокзал — всюду часовые. Попасть в какой-нибудь эшелон и думать нечего. Вспоминает рассказ отца-машиниста (убитого в четырнадцатом году в августовских боях), как после пятого года железнодорожники возили революционеров в тендерных баках.

Костя мчится вдоль путей к депо. На закоптелых стеклах плавится заря.

В открытых огромных воротах шипит под парами паровоз.

Около поворотного круга, недалеко от попыхивающей стальной угрозы — бронепоезда — толпятся угрюмые рабочие в засаленной одежде. В середине стоит, заложив назад руки, поручик в крестах, купивший голубое сукно. Иссине-смуглое лицо его оскалено.

«Если б забраться мне туда, на паровоз!..»

С контрольных площадок бронепоезда, заваленных шпалами и ржавыми рельсами, любопытствуя, смотрят часовые-юнкера с трехцветными, корниловскими косяками на рукавах.

— Ну, тут и думать нечего устраиваться. Вон они! — Костя, нахмурясь, оглядывается на часовых бронепоезда.

Верхняя губа его сердито вздернута.

«Но как же выбраться отсюда?»

Около вокзального крыльца галдят, суетятся торговцы, отгоняемые часовыми. Дверь вокзала хлопает и визжит. Сбегают к торговкам покупать снедь офицеры и юнкера.

«Эх, проворонил!» ругает себя Костя, расталкивая людей, спеша к вокзалу. На рукавах прибывших трехцветные значки.

«И тут корниловцы!»

Костя уже доходит до торговок. На крыльцо вокзала выбегает коренастый солдат. Вскидывает над головой блестящую медную трубу.

Тра-та-та! — раздается сигнал. Лицо горниста чугунеет.

Словно стадо под ударом бича, бросаются к дверям юнкера и офицеры.

Костя боком проскакивает мимо торговок.

— Что? Посадка, господин капитан? — отрывисто спрашивает он у бегущего с ним рядом офицера.

— Сейчас тронемся!

— Скоро приедем?

— Часа через два будет Керчь!

Ошеломленный, Костя отстает. Керчь?.. Горнист на крыльце опускает трубу. Тяжело вздыхает. На губах его резко виден побелевший от крепко прижатой трубы и натуги глубокий кружок.

Обгоняемый бегущими, Костя проходит к выходу на перрон, заглядывает в двери.

Эшелон стоит на первом пути. Юнкера, офицеры, солдаты лезут в теплушки прямо с перрона. Трубач выжидающе стоит около классного вагона. Вдоль перрона прохаживаются рослые жандармы с цветистыми повязками на рукавах.

Запоздавшие юнкера отталкивают Костю от дверей.

Нагло гремит припев старой корниловской песни:

Жура, жура, журавель,
Журавушка молодой...

Раскатисто поет медная сигнальная труба.

Сильным дребезгом отзываются стекла и рамы окон на могучий — в три тона — рев гудка.

«И паровоз пассажирский под эшелон?!» думает Костя, привычно напрягая горло, как для зевоты: это оберегает слух. Это наука отца-машиниста, часто бравшего его в грохочущие стоверстные пробеги.

Тихо трогаются вагоны. Брошенные становища конницы, следы подковных шипов и орудийных колес, схваченные на лету слова о керченском направлении и ушедших туда эшелонах, натуга горниста и. рев пассажирского паровоза — все это разом встает в памяти, потрясая Костю. В неуловимо короткий миг он мысленно просматривает свои документы казака станицы Казанской Ильи Любимова, проверяет свои подготовленные, продуманные не раз ответы.

Против двери идут уже последние вагоны эшелонов. Костя, плечом отбросив взвизгнувшую дверь, стремительно пролетает на

носках перрон и, ухватившись за скобу, вскакивает в теплушку с лошадьми.

Двое вестовых бросаются с тюка прессованного сена, злобно замахиваются на Костю.

Лошади, гулко перебирая ногами, вскидывают над барьерами морды с трепетными розовыми ноздрями, остро прядают ушами.

— Отстал, — виновато улыбаясь, говорит Костя, переводя дух и успев уже — взглядом одним — осмотреть теплушку: на тюках сена свалены офицерские седла с кованными медью луками и отдельно простые драгунские. «Лошади командования», отмечает про себя.

— Почему без погон? — тычет вестовой постарше, в английском буро-зеленом мундире. Закрученные рыжеватые усы угрожающе топорщатся.

«Холуй! Шкура!» решает Костя, взглянув в свинцовые его глаза, и, прижав к сердцу руки, кричит:

— Братцы, не губите! До своих в Керчь еду! Дядька там в госпитале! Что же мне — пропадать тут? Поездов нет...

Молоденький вестовой смотрит с участливым любопытством.

Выдернув из кармана бумажник, Костя сует его старшему.

— Господин ординарец! Я вам заплачу! Христа ради...

У того жадно вспыхивают глаза. Рука тянется к деньгам и вдруг взлетает к колечкам рыжих усов. Покосившись на другого вестового, он строго говорит:

— Чего еще выдумал! Документы давай!

— Будьте так ласковы, господин ординарец! — Костя подает увольнительный билет.

Поезд набирает ходу. Качается со скрипом теплушка. Под полом дробно рокочут колеса, стучат на стыках рельсов.

Костя подмечает блеснувшую в глазах старшего хитринку.

— Я же по чистой уволен, господин ординарец!

— Как, Федоров, возьмем? — будто в раздумье спрашивает рыжий.

— Пусть едет! — дружелюбно отвечает тот.

— Ты деньги-то спрячь. Мы сами с деньгами! — грубо кричит рыжий, и вновь Костя ловит мелькнувшую в его глазах хитринку. — Иди, садись!

— Да я постою! Вот спасибо! Вот спасибо вам!

— Садись, тебе говорят!

Костя покорно садится около двери.

Рыжий молча подходит к драгунским седлам. Роется в переметной сумке.

Молодой садится рядом с Костей, свесив наружу ноги.

— Зараз у нас в Ставропольи пшеныцю, мабуть, косять! — грустно кричит он Косте сквозь гул. — Косилки скворчать, як поезд!

На лбу его ложатся глубокие морщины. Вздохнув, он достает из кармана вышитый бисером алый кисет.

«Если бы того не было, я б его расспросил!..» думает Костя.

Подходит рыжий.

Закуривает, сплевывает, с треском бьет по ладони ветхой, замусоленной колодой карт.

— Эх, и сыграть хочется!

«Вот оно что! — соображает Костя: — Придется ему проиграть».

— Давай-ка сыграем! — Тасуя карты, рыжий опускается на колени.

Молодой вестовой, встретив взгляд Кости, молча качает головой.

Костя как будто не замечает предостережения.

Рыжий притворно весело бросает на пол карты — тощую кучку смятых бумажек.

— Ну, как? В очко?

«Сволочь какая! Прямо взятку взял бы! — с презрением и ненавистью думает Костя. — Не играть — тоже нельзя...»

— Старшая карта держит банк. Снимай!

Костя с отвращением берет жирную, пухлую карту, переворачивает.

«...Придется ему проиграть».

— Туз! — вскрикивает рыжий. — Везет тебе!

Костя медленно, с сожалением вытаскивает бумажник, вынимает пачку тысячных билетов.

«Это же не мои, на работу мне дали... — проносится мысль. — Ну, больше десяти тысяч не проиграю. Сберегу на еде...»

— Сдавай, что ли! — кричит рыжий.

Костя ставит в банк две тысячи. Дает карту ему и кладет себе.

— Две карточки! На все! — Рыжий машет и словно манит карты волосатым пальцем, на котором желтеет толстый бирюзовый перстень.

Костя протягивает карты, и рыжий, на лету поймав карты, согнув их трубочкой, подносит к носу. Начинает потихоньку вытягивать карты, дует на них, теребит пальцами.

— Была, не была — повидалася! — залихватски приговаривает он. — На, бери себе.

Волнуясь, трясущимися пальцами Костя открывает свою карту: семерка!

К семерке идет девятка.

— Ха-ха! — вскидывается рыжий.

Костя смотрит на покоробленные карты рыжего, лежащие на полу. Его охватывает какое-то особое волнение. Косте и раньше приходилось изредка играть.

Но сейчас игра идет по-иному...

«Все равно!» Костя решительно открывает карту.

— Король! Двадцать очков.

Рыжий молча, не показывая, сует свои карты в низ колоды, кладет в банк проигрыш.

«А что если я его выпотрошу? — мелькает у Кости мысль. — Вот будет номер!»

Взрывает гудок. Колеса скрежещут на входной стрелке.

— Должно быть, Семиколодезная! — прислушиваясь, говорит Костя. — Подожди-ка!

Он сгребает бумажки и высовывается из теплушки, держась за косяк.

В двери проносятся семафор, водонапорная башня, строения. На небольшой, плохо освещенной платформе машут руками солдаты, офицеры.

Ни одного казака не видно.

— Давай играть! — злобно кричит рыжий.

— Сейчас иду!

Костя присаживается на колени, выкладывает деньги. Рыжий осторожно берет карту, но, взглянув, уверенно кричит:

— По банку! Давай!

Костя бросает пухлую карту. Тот на лету переворачивает ее, показывает два туза и хватает и деньги и колоду.

— Зажги свечку! — кричит рыжий.

Молодой ординарец не спеша достает стеариновый толстый огарок, чиркает спичкой.

Молодой наклоняет огарок, растопленный стеарин капает на пол.

— Скорей!

Молодой прижимает огарок к полу, давя накапанную остывающую массу.

Уходит к стене, ложится на сено, закутавшись с головой.

— Посмотрим, как вы играете!

— Посмотрим!

Костя, облизывая сохнущие губы, берет десятку, идет на тысячу. Следит за руками рыжего. Тот держит колоду карт так, что ее не видно в огромных лапах. Толстые пальцы его непрерывно шевелятся.

К десятке идет король.

— Надо брать. Давай!

— На!

Костя начинает тянуть карту, волнуясь. Показывается червонный глазок.

— Жили были дедушка и бабушка, — презрительно говорит рыжий. — Пока ты тянешь, я сказку расскажу! Детей у них не было, а третий — дурак!..

— Перебор! — говорит Костя, открывая девятку.

— Ага!

«Ну, теперь только по мелочи!» решает Костя.

Проигрыш идет за проигрышем.

— Ах, чорт возьми! Да что это за невезение! — шумно выражает Костя досаду.

Рыжий все больше злится на него из-за мелких ставок.

— Балуй! — злобно кричит он на лошадей, то гложущих доски барьера, то затевающих грызню. Кони вздергивают морды, опасливо косятся на рыжего, во влажных больших глазах у них мерцает то красный, то зеленоватый огонь.

Молодой уже спит на тюках сена, завернувшись с головой в попону. В дверь теплушки врывается ночная свежесть. Костя жадно и глубоко дышит, передумывая все наблюдения и впечатления дня. Теперь уже бесспорно, что противник проводит десантную операцию на Кубань, во главе десанта — Улагай. А какие силы десанта, кроме Второй кубанской дивизии, ушедшей грузиться в Феодосию?

— Эх ты, игрок! — злобно издевается рыжий, когда Костя открывает набранные им двадцать одно очко: — На туза так ходишь!

— А я тузам не верю! Мне семерку дай!

— Жила ты, а не игрок!

Костя утраивает ставку, проигрывает. Ры-

жий довольно скалит желтые крупные зубы.

«Ему нужно ободрать меня, но чтобы все было по правилам. Будто я не вижу его шулерства... — думает Костя. — Но мне и пикнуть сейчас нельзя... Они, белые, и во всем так. Ну, мы вам еще покажем».

И второй, и третий раз, и еще гудит паровоз, состав с грохотом и шатаясь пролетает полустанки, черные клубы дыма кубарем скатываются по крышам теплушки. Проиграв положенные им десять тысяч рублей, Костя хочет встать.

— Играй, играй! — угрожающе рычит рыжий.

— Давай! — вспыхивает Костя. Проигрывает сразу тысячу, ругается про себя: «Ах я, сволочь!»

— Вот так я люблю! — улыбается рыжий, вытаскивает из кармана пачку сигареток: — На, покури!

— Кто сейчас у вас начальник дивизии? — вдруг спрашивает Костя отвернувшись.

— Мы сами себе дивизия! — высокомерно отвечает рыжий. — Мы военная школа имени его высокопревосходительства генерал-лейтенанта барона Врангеля в Симферополе. Нас сейчас только присоединили к Четвертой пехотной дивизии на это дело.

— Ну, сдавай, что ли! Дай карточку, — перебивает Костя и не видит, как по-новому — настороженно — рассматривает его рыжий. Рассматривает, сдает карты и бурчит:

— Нас присоединили, Алексеевское училище. Да все равно, что это за дивизия? Со всеми в три эшелона вместились.

Вновь — под уклон — татакают колеса, трещит, шатается теплушка. Топчутся, бьют копытами кони. Тревожный гудок паровоза хлещет тьму. И Костя и рыжий, а за ними и проснувшийся молодой бросаются к двери.

В глубокой долине, внизу, развертывается стремительный, сверкающий поток городских огней. Ближе, под мерцающими фонарями станции, прямо на эшелон строго целится красный глаз семафора.

За железнодорожным полотном начинается окраина города, смутно чернеют дома, редкие огни горят желто и тускло. Из других теплушек высовываются беспокойные люди.

Вагоны накатываются и гремят буферами и сцеплениями. Пронзительно шипит паровоз, яростно скрежещут тормозные колодки.

Состав останавливается около самого семафора.

— Подождите, я узнаю там, — говорит рыжий, толкая молодого под бок.

Костя замечает этот жест и подмигивание. Сердце его екает: шпик?

Рыжий спрыгивает и бежит вперед, вдоль состава.

— Оправиться, что ли? — притворно зевая, говорит Костя и соскакивает на мягкий песок, отходит через канаву в темноту, морщась от боли в ногах. Молодой идет следом.

Красновато-алые вспышки топки паровоза озаряют закапанные мазутом шпалы, ребрастые рельсы, могучие скаты колес.

Доносится глухое ворчание города. И вдруг справа, из плотной солоноватой сырости, летят бурные звуки оркестра.

«В крепости!» думает Костя, замирая и вслушиваясь.

Тар-рам-та-та, тарам-тар-ра-рам!.. — вопят трубы оркестра «встречу». И гулкие барабаны и трескучие звонкие тарелки утверждают:

Да-да-да-да-да!.. А-аах! Да-да!

«Что это такое? Что за части?» Закусив губу, Костя напряженно слушает.

Тар-рам-та-та!.. — всплескивает другой оркестр подальше. Трубы его звенят чище и певучей, и уже не гукает барабан, и еле слышен рассыпающийся звон тарелок.

Внезапно смолкает оркестр.

Тар-там-та-там! — подхватывает в отдаленьи еще оркестр, и опять не слышно бара-

бана, и звуки труб прозрачные, чистые и легкие.

«Ну, да! — решает Костя: — Здесь и пехота с барабанами в оркестре и конница — у той барабанов нет. Тут и Первая кубанская дивизия и Четвертая сводная! Значит — парад. А за мной уже слежка. Я почти арестован. Кто же предупредит наших?..»

В памяти ослепительно ярко: там, за городом, — море, пролив меж Азовским и Черным морями. Лодка высадила Костю около Восточного маяка, это километрах в двадцати левее города, у песчаной косы Чушки; там пролив шириною всего в пять километров. Но туда не доберешься!.. Прифронтовая полоса!.. Другая коса — Тузла — заканчивается против Керченской крепости, недалеко. Но тут ширина до восьми километров...

Костя вздрагивает, представив крепкий, скалистый мыс крепости.

— Ну пойдем, — торопит молодой.

— Сейчас!

Тар-рам-там-там!.. — дружно поют трубы казачьего оркестра.

Костя смотрит на городские огни.

«Сбежать сейчас! Но куда? Как перебраться?.. В порту в рыбацких поселках — посты. Туда и носу не сунешь, не то что лодку до-

стать... Но я же не знаю численности десанта. И когда он будет?..»

Вдоль состава ходят, переговариваясь, люди. Костя видит, как в освещенных окнах классного вагона командования мелькает рыжая морда ординарца.

«Шпик! Так я и знал», — вздрагивает Костя. Пригибается и видит: из тамбура один за другим соскакивают офицеры, бегут к теплушке.

«За мной?» — вспыхивает мысль. Молодой, перешагнув канаву, поджидает Костю. Костя со всех ног бросается назад, вдоль полотна. В ушах свистит от быстрого бега. Забыты мозоли, ломота в ногах. Сухие, жаркие глаза его всматриваются в темноту. И тут, на бегу, ярко встают в памяти слова военкома Дегтева: «Нам всем, как один, стоять». И сердце Кости трепещет: «И я один, как все. И вся наша страна так стоит. Надо пробиться! И все тут».

Тошнотворной густой падалью несет с балок. Он останавливается.

Красной точкой виднеется семафор, около которого, невидимый отсюда, стоит состав. В тишине гремят звуки оркестра — четвертого по счету.

В стороне черной громадой высится гора Митридат.

Вдоль состава ходят, переговариваясь, люди.

«Как же я доберусь? Не доберусь я! — в отчаянии думает Костя, обрывает себя: — Только без паники! Возвращаться нельзя — раз! О десанте скорее сообщить — два! Пусть уж там авиация наша следит дальше... Значит, надо плыть на Тузлу. Выйти к берегу и плыть от крепости. Как можно дальше пройти по дну, а там плыть...»

5

Костя, согнувшись, долго идет по небольшой ровной балочке. В висках оглушительно стучит кровь. Каждый бугор кажется часовым. Затаивая дыхание, Костя крадется на носках, успокаивая себя, ругая за трусость и вновь замирая перед новым бугром.

Из темноты дышит соленой влагой близкое море.

С хлюпаньем и вздохами ложатся на берег волны. За морем, над далекой и милой Кубанью, небо белеет.

«Неужели луна? — Костя останавливается. — Да нет! Это зарево над станицей Таманской!»

Он сбрасывает ненужные теперь сапоги и ползет. Вдруг замирает: по хрустящей гальке около воды идут часовые, возвращаются. Они ходят по пляжу взад и вперед. Костя отползает назад, потом вправо и там уже повора-

чивает к берегу. Глядя в сторону часовых, он быстро, обдирая колени и руки, сползает в воду.

— Чего это там чернеет? — В тенорке часового слышатся страх и любопытство.

— В глазах у тебя чернеет! — обрывает его бас.

Снова хрустит галька.

Костя проползает до глубокого места. И тут — лишь одна его голова над теплой, парной водой — сбрасывает с себя одежду.

Влево, на далеком берегу, сияют портовые и городские огни. На проливе покачиваются желтые и белые огни эскадры.

Костя идет по твердому песчаному дну. Прямо над черной зловещей массой пролива белеет зарево над кубанским берегом. Дно обрывается, и он, с испугом окунувшись, плывет. Плывет он боком, положив голову на воду, сильными толчками бросает тело, пофыркивая и глубоко вздыхая.

Ровной мертвой зыбью — отголосками буйного шторма, дошедшими из бескрайных зеленых просторов, — вздымается море.

Костя плывет, поднимаясь на вершины покойных волн и скользя вниз. Позади расплывается в зыбком мраке громада гор. Над головой ходит мягкое, низкое небо и звезды излучают мерцающий свет. С вершины валов

Косте видны кланяющиеся огни судов, весь переливный поток городских огней. Далеко, в глубине пролива, мигает маяк.

— Отдохну, — громко говорит он и распластывается на воде, тихонько шевелит пальцами ног, боясь и предупреждая судороги.

Уши ловят неясный гул, всплески и удары в воду. Костя нервно поднимает голову.

С берега, видимо из приморского сада, несутся над водой протяжные созвучья меди.

«Вальс! — неожиданно для себя улыбается Костя и строго говорит: — Плыть, плыть!»

Он плывет, размеренно ударяя руками и ногами, плывет на боку, потом на спине.

Еле слышные доходят с берега звуки, но вот и не слышно их за шорохом и плеском.

Вдруг — словно лопнуло гигантское полотно. Костя в ужасе, чуя дрожь в корнях мокрых волос, озирается во все стороны, держась стоймя на месте и отчаянно перебирая ногами.

Опять лопается в стороне, на скате волны вспыхивает мутная бледнофиолетовая струя.

«Дельфин!», холодея, думает Костя и уже представляет острый, как бритва, черный плавник, разрезающий надвое его живот, оттуда, снизу...

Он с силой бьет руками и ногами, громко.

устрашающе фырчит, крутя головой при каждом всплеске.

«Да что это я? Дельфины же не опасны. Трус!» ругает он себя и не может превозмочь ужаса.

Левую щеку его внезапно обдает прохладой. Он вскидывает голову. Ветер уже иной. Раньше дул с правой стороны. Костя держится на воде, осматриваясь. Мигающий огонь маяка сейчас почти позади, а ему надо быть сбоку. Он медленно уходит и уходит.

«Течение... В море несет...»

Костя захлебывает воды — вода пресная, из Азовского моря.

«Дельфины... Течение... Видно, не доплыть!» Тупой и огромный ком распирает горло Кости.

«Где теперь коса?..»

Он ищет зарево Таманской — оно ушло в сторону — и опять плывет, медленно водя набрякшими усталостью, словно каменными, руками и ногами. В судороге деревянеет икра правой ноги, простреленная еще в девятнадцатом... Костя поспешно растирает ее и опять плывет, плывет.

Тар-рам-там-там, тар-рам-там-там... — сверлит голову навязавшийся мотив «встречи».

«С музыкой пропадаю, — кривит в усмешке лицо Костя, и содрогается, и протестует

всем своим существом: — Конец? Не хочу! Не хочу!»

С силой плывет и скоро слабеет, слабеет еще больше.

«Что за ерунда? Вот раскваснлся! — подбирается внутренне он. — Может быть, мелко уже, а я паникую?»

Набрав воздуху, он опускается, подняв над головой руки, сложив ладони вместе. В глубине ледяная струя обжигает ноги, туловище. Костя открывает глаза и сплющивает их в ужасе перед мраком пучины.

Отчаянно рвет руками воду, выплывает на поверхность.

«Не доплыву! Хлебнуть, что ли, самому?.. Да и сволочь же я! Поручи вот такому дело!» Костя распластывается на воде. Стынут ноги, зубы дробно стучат. Он плывет тихо, словно сонная рыба.

Плещут, полощутся в глубокой холодной пучине звезды. Зыбь идет чаще и круче. Непрерывно бьют всплески.

«Надо плыть, надо плыть!» — в смертельной тоске думает Костя.

Он приноравливается к волнам: бьет руками в тот момент, когда подходит гребень, и волна вздымает, несет его. Но слабые руки отстают, и один за другим выбегают из-под него валы.

«Кто скажет про десант?.. Я же должен сказать!..»

Стремительной, бессвязной чередой вьются воспоминания.

— Не хочу! — с рыданием вырывается у него.

С трудом поднимая голову, он ждет волны.

Тратя остатки сил, всплывает на гребень.

И снова гребень убегает.

«Конец!» вспыхивает мысль, и Костя больно ударяется коленом о песок спасительной отмели...

В серой мгле рассвета голый, чугунно-синий, ободравшись в кровь о гальку и песок, Костя приползает на красноармейскую заставу.

Через полчаса бойкий телефонист вызывает штаб полка.

Костя, укладываясь в углу под шинелями заботливых бойцов, слушает гнусавое мягкое гудение аппарата.

Он думает, что сегодня же удивит ребят, военкомдива Дегтева. Верхняя — излучиной — губа Кости вздрагивает.

«Можно и еще сходить в тыл. Раз партии нужно будет!.. Штука нехитрая!»